

Кулназаров А. К., Шарапова Р., Ахмеджанова А.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И СУВЕРЕНИТЕТА

УДК: 124. 5:316. 3.(0.43.3)

Любое демократическое государство внутри страны должно постоянно прислушиваться к мнению граждан, социальных групп и их негосударственных образований. В международных отношениях государство берет на себя обязательства, считается с общепризнанными нормами международного права, с заключенными им договорами.

Ар кандай демократиялык мамлекет жарандардын, социалдык топтордун жана мамлекеттик эмес уюмдардын пикирин эске алышы зарыл. Эл аралык мамилелерде мамлекет белгилүү милдеттенмелерди алып, Эл аралык укуктун нормалары, алар аркылуу түзүлгөн келишимдерге терең көңүл бурушу абзел.

С августа 1991 года начался новый этап в истории кыргызской государственности, который характеризуется рядом существенно новых черт, ранее не свойственных государствам, которые образовывали наши предки. Во-первых, это государство оседлого типа, то есть оно имеет все основные признаки, свойственные современным государствам. Во-вторых, все формальные признаки современного кыргызского государства имеют, в целом, западное происхождение, а кроме того, они, как и система права, в настоящее время явно тяготеют к западным образцам с их либеральными ценностями, что, безусловно, порождает ряд проблем специфического характера, обусловленных главным образом тем, что в географическом, историческом, культурном, ментальном и прочих отношениях кыргызы являются одним из восточных народов. Освоению «чуждых» кыргызскому этносу государственных форм, безусловно, не благоприятствуют культурные и ментальные черты кыргызов, которые, будучи сформированными в течение длительного исторического срока, отличаются от западных, формировавшихся в течение многих веков и в условиях государственного бытия.

С формальной точки зрения Кыргызстан является, как сказано в Конституции КР, суверенной, унитарной, демократической республикой, построенной на началах правового, светского государства¹. Но в какой мере провозглашенная форма соответствует реальной сути нашего государства? Насколько наше государство является действительно демократическим и суверенным? Каковы его реальные – перспективы? Эти и множество других вопросов возникает в связи обретением, а вернее, возрождением кыргызской государственности. И проблема здесь не только в некоторых несоответствиях, несовпадениях исходных культурных элементов с соответствующей им системой ценностей осваивающей, воспринимающей культуры с элементами культуры, выступающей в качестве своеобразного донора. Современные глобальные процессы, интегрирующие большинство из государств миру в единую экономическую систему, оказывают существенное воздействие практически на весь спектр экономических, политических и культурных отношений в государствах, и таким образом влияет на сами государства, их суверенитет. Кыргызстан, не проводящий политику самоизоляции,

не является исключением. Однако, будучи государством с незначительными людскими, экономическими и ресурсными возможностями, Кыргызстан имеет гораздо меньшие возможности для осуществления независимой политики, для собственного суверенитета, чем экономически развитые государства, не говоря уже о мировых державах.

Начавшийся в шестидесятые годы прошлого века процесс деколонизации, вызвавший «взрыв этничности» и образования новых государств, способствовал размыванию исходного смысла понятия «суверенитет», принятого еще во времена Гоббса, и формированию более гибкой системы понятий, позволяющих описывать реальные формы «ограниченного суверенитета» разделенный, двойственный, частичный, функциональный суверенитет и т.д. В современном словоупотреблении в гуманитарных дисциплинах обычно проводится различие между внутренним и внешним аспектами суверенитета. Под внутренним аспектом подразумевается верховная власть в рамках определенной территории, на которую не распространяется законодательная, исполнительная и судебная юрисдикция другого. Внешний аспект предполагает независимость и равенство государств, их субъектность в международном законодательстве.

Принцип суверенного равенства государств был закреплен Декларацией о принципах международного права, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г., Резолюцией 2625 (XXV) от 24.10.1970¹. Однако впоследствии, по мере формирования единого мирового хозяйства, понятие суверенитет подверглось переосмыслению, что было связано не в последнюю очередь с действительными правами меньшинств и государств, не обладавшими необходимыми экономическим потенциалом для осуществления самостоятельной политики и с неизбежностью попадавшими в зависимость от экономически сильных государств. Упование же людей на справедливый миропорядок, в котором государства действительно обладали бы одинаковыми правами и степенью суверенности, оставалось утопией. Оно и сейчас во многом носит утопический характер. Почему, собственно? Нам необходимо ответить на данный вопрос с необходимой тщательностью. Во-первых, потому что именно философия, обращаясь к сущности социальных феноменов, способна дать достаточно точный по своей глубине ответ. И, во-вторых, потому что, поняв природу социальной утопии, мы в состоянии будем достаточно объективно судить как о настоящем положении вещей, так и о возможном развитии ситуации, связанной с государственным строительством и межгосударственными отношениями.

Система международного права, несмотря на определенные успехи в деле нормализации межгосударственных отношений, не может на практике

¹ См.: Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.- сост. А.А.Празаускас. - М., 2000. - С. 357.

гарантировать одинаковый объем прав для разных народов и государств. И дело здесь не только и не столько в различных уровнях экономики и даже культурных различиях. Хотя, безусловно, неодинаковость в уровне экономик, а также культурные и ментальные различия порождают множество сложностей. Но эти различия только обостряют межгосударственные отношения, в которых изначально, как нам представляется, заложен высокий конфликтный потенциал. Конфликтная природа, межгосударственных отношений, с одной стороны, уходит своими корнями в глубокую историю, когда реальные общности, из которых образовались современные этносы и нации, формировались в системе оппозиционных отношений «мы - они», а с другой - обусловлена самой природой человека, внутренне устремленного к доминированию - тому, что Ницше определил в свое время как волю к власти. «Если глубочайшая сущность бытия есть воля к власти, - писал он, - если удовольствие сопутствует всякому росту власти, а неудовольствие всякому чувству невозможности сопротивления, чувству невозможности одержать верх, можем ли мы в таком случае принять удовольствие и неудовольствие за кардинальные факты? Возможна ли воля без этих обеих крайних точек; без да и нет? Но кто чувствует удовольствие?.. Но кто хочет власти?.. Нелепый вопрос! Когда всякое существо само есть воля к власти, а следовательно, и чувство удовольствия и неудовольствия! И все-таки - оно ощущает нужду в противоположностях, в сопротивлении, т.е. относительно, в других единствах, стремящихся к расширению своих пределов»².

Воля к власти, по Ницше, - это суть сущего в целом, всего того, что действительно есть, т.е. тянется к жизни. Само собой разумеется, воля к власти является и человеческой сутью. Власть, понимая с онтологических позиций, необходимо оценивать как наиболее надежное средство, инструмент для создания условий, когда сущее - как единичное, так и коллективно-сплоченное - находится в состоянии, оптимального для его действительной жизни.

Воля к власти в человеческих сообществах в реальности может воплощаться на двух уровнях: индивидуальном и коллективном. На первом индивид устремлен к власти внутри сообщества, в котором проходит его жизнь, на втором какое-либо сообщество, состоящее из индивидов, сплоченных общей судьбой, идеалами, целями, интересами и т.д., стремится к господству над другими сообществами и, подчинив которые, получает над ними преимущество.

Государство, представляя собой определенным образом организованные этнические сообщества, реализуют задачи, состоящие перед данными сообществами. Именно по этой причине один из основоположников современной геополитической науки - Ф. Ратцель - уподобил государство с живым организмом, который, подчиняясь определенным социально-биологическим законам, устремлен к росту, господству, экспансии и который рождается, растет и умирает.

Ратцель вывел также семь законов экспансии и изложил их в своем труде «О законах пространственного роста Государств». Приведем всех их, поскольку все представляют определенный интерес для нашего исследования. Итак:

1) протяженность государств увеличивается по мере развития их культуры;

2) пространственный рост государства сопровождается иными проявлениями его развития: в сферах идеологии, производства, коммерческой деятельности, мощного «притягательного излучения», прозелитизма;

3) государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости;

4) граница - это орган, расположенный на периферии государства (понятого как организм);

5) осуществляя свою пространственную экспансию, государство стремится охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны рек, долины и вообще все богатые территории;

6) изначальный импульс экспансии приходит извне, так как государство провоцируется на расширение государством (или территорией) с явно низшей цивилизацией;

7) общая тенденция к ассимиляции или абсорбции более слабых наций подталкивает к еще большему увеличению территорий в движении, которое подпитывает само себя³.

Ратцель выводил перечисленные законы из разнообразной, богатой истории государств. Он в теоретической форме обобщил их реальную политическую практику. И поэтому эти законы обладали высокой степенью достоверности. В соответствии с данными законами государства, подчиняясь своему естеству, либо непосредственно захватывают чужие территории, а затем предпринимают меры по полному и окончательному подчинению их, в ходе которого происходит ассимиляция и абсорбция подчиненных народов. Либо, если не имеют возможности к осуществлению непосредственного, физического захвата, то стремятся к культурной экспансии. В любом случае они устремлены к расширению собственных пределов. И если не удастся сделать это физическими, так сказать, средствами, то используют виртуальные. Но поскольку в реальности всегда существуют неравные по своей силе и возможностям государства, то неизбежно одни из них выступают в роли захватчиков, экспансионистов, а другие попадают в положение захватываемых, подчиняемых. И соображения морали подчинены здесь интересам государств, осуществляющих собственную политику, успешность или, наоборот, неуспех которой определяется реальными возможностями государств, их силой или отсутствием таковой.

Как показывает мировая история, любая цивилизация или держава, подтвердившая на деле свою самодостаточность и эффективность, неизменно обнаруживала тенденцию к пространственной экспансии, которая неизбежно предполагала и культурную экспансию. Преуспевающие цивилизации и

² Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. - М., 1994. - С. 330.

³ См.: Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. - М, 1997. - С. 35-36.

государства на практике подтверждали принцип, кратко сформулированный идеологом британской империи XIX века С. Роде: «Расширение - это все». Этот тезис, по мнению О. Шпенглер, воплощает «подлинную тенденцию всякой созревшей цивилизации. Это столь же применимо к римлянам, арабам и китайцам... Тенденция к расширению - это рок, нечто демоническое и чудовищное, охватывающее позднего человека эпохи мировых городов, заставляющее его служить себе независимо от того, хочет ли он этого или не хочет, знает ли он об этом или нет»⁴. В данной связи Шпенглер указывал на то, что ум, будучи достоянием человека, в цивилизационном измерении «есть дополнение протяженности», он же выступает, по сути, в качестве инструмента для осуществления расширения, к которому человека устремляет его воля к власти. И здесь нет исключений. Культурные различия, связанные с принадлежностью государств и народов к различным цивилизациям, не отменяли их экспансионистских притязаний и устремления. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к опыту римлян, инков, китайцев, иранцев, арабов, монголов, русских и др. У кыргызов, как известно, тоже был свой период великодержавия. И хотя государство, созданное кыргызами в это время, не было огромных размеров, для нас в данном случае важно подтверждение принципа экспансии, имеющего универсальный характер. Собственно, именно в связи с универсальностью данного принципа и возникает проблема суверенитета государств и народов. Суверенитета, на который тем или иным образом обязательно посягает кто-либо. Поступательное развитие государств и цивилизаций, общечеловеческий прогресс вносит изменения в форму осуществления экспансии, но не отменяет самого принципа расширения. Разумеется, данное развитие вносит изменения и в характер суверенитета государств.

В современном мире суверенитет ни одного государства не означает на деле, что оно не связано ни с чем внутри страны и абсолютно независимо от других государств, от мирового сообщества в целом. Однако это должно ущемлять добровольный характер, устанавливаемый по взаимному или по всеобщему согласию. Но на деле все выглядит несколько иным образом. Прежние политические и этические императивы и - принципы, на которых, по сути, продолжают выстраиваться межгосударственные и межнациональные отношения, вносят свои коррективы в идеальные или во всяком случае продекларированные устремления и цели различных сообществ и государств.

Объявляя о своей независимости, каждое новое государство первым делом подчеркивает свой суверенитет над определенной территорией. Со времен Гоббса государственный суверенитет стал наиболее универсальным принципом политической организации в истории человечества. Однако данный принцип с тех пор испытал ряд трансформаций. Его верховенство впервые было поставлено под сомнение в 1940-1960-е годы, когда распались колониальные империи, и независимость получили десятки новых

государств. После окончания Холодной войны ООН санкционировала проведение интервенций против государств, которые совершали различного рода преступления против своих граждан (в Ираке, Сомали, Гаити, Руанде, Боснии, Камбодже, Либерии и пр.). Таким образом, современное государство утратило основной элемент суверенитета - право проявлять единоличную власть внутри собственных границ и единолично устанавливать правила общежития на своей территории. Каждое новое государство в настоящее время должно пройти своего рода «экзамены», постоянно доказывая международному сообществу, что оно способно существовать мирно и самостоятельно, уважать права меньшинств, выбирать власть демократическим путем, проводить внутренние реформы и т.д. Кыргызстан, разумеется, не стал исключением. Фактически данные действия государства способствуют установлению политической традиции частичного отказа от суверенитета, когда государства де-факто соглашаются выполнять требования международных организаций, деятельность которых регулируется и тем или иным образом контролируется со стороны наиболее влиятельных государств планеты. И, таким образом, само понятие «суверенное государство» в настоящее время во многом утратило первоначальный свой смысл. Мировые державы, группы государств на практике навязывают отдельным государствам правила, по которым те обязаны осуществлять свою политическую жизнь и реализовывать свой суверенитет. Фактически возрожден институт протекторатов, т.е. образования территорий, зависимых от великих держав. Возникновение на политической карте новых государств (Косово,⁷ Абхазии, Южная Осетия) может произойти только под протекторатом великих держав. С другой стороны, противоречия между великими державами, несовпадение, а нередко и противоположность их интересов приводит к тому, что национальный суверенитет государств с незначительным военным и экономическим потенциалом не переходит в разряд чисто номинальных.

Литература:

1. Сааданбеков Ж.С. Современные политические тенденции в странах Центральной Азии в контексте авторитарной и демократической альтернатив: Автореф... докт.полит. наук. - Алматы, 2002.
2. Сааданбеков Ж.С. Сумерки авторитаризма: закат или расцвет? - Киев, 2000.
3. Савин И. О категориях группового сознания у кочевников // Вестник Евразии, 1999. - № 1-2 (6-7).
4. Семенов И. Трайбализм // Литературный Кыргызстан, 1988.
5. Сооданбеков С.С., Токтогулов А.А. Декларации о государственном суверенитете и государственной независимости Республики Кыргызстан // Социальные и гуманитарные науки, 2002. - № 1-2.

Рецензент: д.филос.н. Карабеков К.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. - М, 1987. - С. 36.